ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 22.04.2019 | Пол Мейсон

Новый дух посткапитализма

Капитализм возник в пустотах феодализма. Сегодня в современном европейском городе зарождается посткапитализм.

Читайте эту статью на немецком / английском языке

Эль Раваль, Барселона, март 2019 года. Местные улицы переполнены молодыми людьми (и не только студентами) – они сидят, потягивают разные напитки, предпочитают смотреть не в глаза друг другу, а на экраны своих ноутбуков, тихо-мирно обсуждают политические вопросы, создают произведения искусства, отпадно выглядят.

Путешественник, прибывший на машине времени из эпохи молодости их бабушек и дедушек, не преминул бы спросить: а когда закончится обеденный перерыв? Но этот перерыв никогда не закончится, потому что для многих членов сетевого сообщества он, собственно, никогда толком и не начинался. Огромные сегменты урбанистической реальности развитых стран напоминают рок-фестиваль Вудсток в режиме нон-стоп – но на самом деле имеет место процесс девальвации капитала.

Конечно, где-то на окраине большого города всегда есть финансовый район, в котором исполнительные люди в строгих костюмах фанатично заняты чем-то похожим на хождение на работу, а в редкие часы досуга они не слазят с беговых дорожек, стимулируя постоянный приток адреналина.

Но не прошло и 20 лет после внедрения широкополосного интернета и 3G-связи, а информация уже вступила в резонанс со всеми аспектами общественной жизни: работа и досуг стали трудноразличимыми понятиями; работа и зарплата все меньше зависят друг от друга; взаимосвязь между производством товаров и услуг и накоплением капитала больше не является аксиомой.

Цифровые сети должны

Если спросить у топовых экономистов, а что

были проложить путь к новой динамичной эре капитализма, но не оправдали ожиданий и начали крушить традиционные структуры

вообще происходит, то они, вероятно, дадут ответ в стиле «потребление» или «время для досуга». Главное положение посткапитализма базируется на том, что за этим кроется нечто большее. Цифровые сети, которые – как предполагали экономисты шумпетеровского толка – должны были проложить путь к новой динамичной эре капитализма, не оправдали этих ожиданий и начали крушить традиционные структуры по четырем вполне очевидным направлениям.

Во-первых, это эффект нулевых финансовых издержек, из-за которого себестоимость информационных товаров близится к нулевой отметке (при условии наличия свободных рынков и конкуренции) и в рамках которого, как следствие, параллельно падает себестоимость в производственной сфере и сфере услуг.

Во-вторых, это потенциал к решающей автоматизации физического труда – по данным разных исследований, речь идет о 47 процентах профессий, или о 43 процентах задач.

В-третьих, это сетевой эффект – то, что в практической деятельности высокотехнологичных корпораций проявляется как «возрастающий эффект масштаба». При большом масштабе сети создают положительные внешние эффекты, в рамках которых права собственности на произведенную полезность не предопределены привычным для производственных предприятий водоразделом между работодателем и рабочим.

И, наконец, имеет место процесс потенциальной демократизации информации как таковой. Малейший глюк, выявленный в любом фрагменте программного обеспечения сегодня вечером, можно уже завтра утром устранить в любом экземпляре этого программного обеспечения; коллективный разум способен мгновенно обнаружить и исправить любую ошибку в Википедии.

Система нового типа

Посткапиталистический проект отталкивается от убеждения, что в глубинной первооснове этих технологических эффектов лежит вызов существующим социальным отношениям на базе рыночной экономики, а также – в долгосрочной перспективе – возможность возникновения системы нового типа, которая способна функционировать без рынка и за пределами ограниченности.

Но, пытаясь выжить, рынок за последние 20 лет отреагировал созданием непостоянных, но устойчивых перекосов, которые – согласно неоклассической экономической теории – должны иметь временный характер.

Ответом на способность информационных товаров вызывать резкое обрушение цен стало появление самых мощных монополий за всю историю человечества. Семь позиций в первой десятке транснациональных корпораций с наивысшей рыночной капитализацией занимают высокотехнологичные монополии; они уходят от налогообложения, подавляют конкуренцию посредством практики приобретения оппонентов и строят «золотые клетки» в форме совместимых между собой технологий для максимизации своих собственных доходов за счет поставщиков, потребителей и (благодаря уходу от налогообложения) государства.

Тот факт, что информационные машины заменяют людей быстрее, чем создаются новые квалифицированные рабочие места, привел к появлению миллионов низкооплачиваемых рабочих мест, в существовании которых нет никакой необходимости. Чтобы трудовая деятельность не скатывалась в режим краткосрочных вспышек трудовой активности и продуктивность оставалась на максимально высоком уровне, созданы условия для размывания границ рабочего времени и времени досуга, а разные виды потребительской активности (бронирование билетов для отпуска, назначение свиданий, виртуальная переписка с друзьями) стали нормой в рабочее время, поскольку это способствует максимизации потребления и продуцированию персональных данных.

Ответом на упомянутые сетевые эффекты стало рождение новой модели, так называемой монополии мобильных приложений, – она привлекает миллиарды офшорных средств, которые невозможно эффективно инвестировать в какую-либо другую сферу. Вся бизнес-модель таких корпораций сводится к взиманию экономической ренты и – что не отличает их от любых других корпораций – к подавлению конкурентов, в роли которых, если речь идет о мобильных приложениях для вызова такси, выступают традиционное такси и городская администрация.

Вместо четвертой промышленной революции сформировался паразитический и плохо

Ответом на демократизационные эффекты информационных технологий стало создание огромных и постоянно растущих информационных асимметричностей.

функционирующий информационный капитализм

Ни конкуренция, ни регуляционные меры до сих пор не положили конец этому четырехаспектному процессу консолидации и склероза. Такие отличительные признаки, как монополия, неполная занятость, погоня за рентным доходом и информационная асимметричность, в которых классические экономисты склонны видеть явления временного характера, – все это уже закрепило за собой репутацию непреложных требований, выдвигаемых современностью к частному сектору в XXI веке. Вместо четвертой промышленной революции сформировался паразитический и плохо функционирующий информационный капитализм, чьи монопольные прибыли и антиконкурентное поведение настолько уже въелись в систему, что их невозможно искоренить.

Зародышевые формы

В обычном средневековом городе эмбриональные формы буржуазного общества оставались практически незаметными. Если мы представим себе Париж XIV века во времена революции Этьена Марселя, то власть там была сосредоточена в пышных hôtels (дворцах) провинциальных феодальных правителей, в монастырях, уйме церквей и университете. В совокупности они образовывали машину по управлению и легализации всего того богатства, которое производилось в сельских поместьях. Трансграничные банковские услуги фактически представляли собой своеобразную секретную службу и находились в ведении религиозных орденов, выполнявших роль хранилищ и гарантов реализации сложных форвардных контрактов, что позволяло обойти запрет на ростовщичество. Даже тогдашняя bourgeoisie (буржуазия) отказалась поддержать попытку Марселя и вернула всю полноту власти в руки короля, настолько дикой казалась концепция Марселя в ту эпоху.

Но мы – будучи в выгодной позиции благодаря тому, что знаем дальнейшую судьбу феодализма, – способны увидеть своего рода «капитализм в зародыше» в средневековых гильдиях, в прообразах банковских институтов, в разных формах трансграничной торговли и развитии научной мысли в стенах университетов того времени.

Если вернуться к описанной выше сцене в Барселоне, то современные микрокосмические изменения в повседневной жизни приобретают теперь иное значение. Свободное время – это продукт неполной занятости. Чтобы люди продолжали служить капиталу

благодаря мобильным приложениям, электронной коммерции и выплате процентов, у них должна быть работа, кредитная карточка и мобильный телефон – вне зависимости от уровня их бедности. Бедный молодой человек, работающий неполный рабочий день и до отказа напичканный информацией, – вот образ, который воплощает в себе как само заболевание, так и потенциально возможное решение.

Из-за исчезновения границ между работой и досугом, а также благодаря экономному образу жизни люди переживают практическое воплощение того, что Дэвид Грэбер назвал «дерьмовой работой», – причину происходящего следует искать в том, что хотя монополии и взвинчивают цены на свои товары, но эффект нулевых финансовых издержек позволяет индивиду обходиться малыми расходами в своих базовых потребностях. Большинство людей даже не подозревают о том, что используют открытое или очень дешевое программное обеспечение. Более того, современные монополии обеспечивают широкий доступ к разным информационным сервисам в обмен на право фармить наши персональные данные. Проживание жизни сводится к нырянию и погружению в те или иные монопольные сервисы, заточенные на получение рентного дохода: Uber, Airbnb, Tinder.

Схожая картина жизни наблюдается в любом крупном городе. Но я предпочитаю Барселону, потому что сегодня – в компании с Амстердамом и рядом других так называемых бесстрашных городов с гегемонией левых сил – она обладает политическим лидерством, которое отдает должное перспективам экономики, основанной на открытом программном обеспечении, информационной симметрии и упразднении монополий вместе с экономической рентой.

Под руководством Ады Колау, которая была избрана мэром после того, как возглавила движение по защите жилищных прав, Барселона выделила за четыре года €16 млн и сформировала штат из 22 человек, чтобы стимулировать развитие социальной экономической теории, основанной на конструктивном взаимодействии и солидарности. Хакеры, общественные активисты в сфере жилищных прав и защитники окружающей среды – все они находятся у власти и выполняют важнейшую технократическую работу.

Один миллиард евро, ежегодно выделяемый из городского бюджета на осуществление закупок, Барселона использовала для того, чтобы принудить внешних поставщиков согласиться с принципом, что данные – это одна из составляющих общественного блага, а не ресурс, который технологические гиганты фармят за бесценок. Ныне в Барселоне представлено более 4,8 тыс. официально

зарегистрированных компаний, работающих на основе конструктивного взаимодействия, – и все это за счет целенаправленной поддержки альтернативных форм собственности, а также благодаря тому, что город делал ставку не на международные корпорации, а на местные высокотехнологичные фирмы, стремящиеся к конструктивному взаимодействию.

Все это выглядит хрупко и недолговечно – точно так же, как и ранний капитализм блекло выглядел на фоне позднего феодализма. Чтобы этот процесс приобрел более значимые формы, необходимо, во-первых, осуществить революцию в области государственного вмешательства, в рамках которой государство будет целенаправленно формировать нерыночный сектор экономики, основанный на конструктивном взаимодействии и открытом программном обеспечении.

Во-вторых, эти альтернативные формы бизнес-модели должны развиваться таким образом, чтобы вырасти в масштабах – благодаря этому их передовой опыт получится трансформировать в решения, которые можно будет перенести на будущие стартапы одним кликом мыши.

В-третьих, следует обеспечить доступ к финансовым ресурсам – пусть и в какой-то другой форме, нежели это имеет место в современном мире высокотехнологичных стартапов. И, наконец, необходима революция в человеческом мировоззрении.

Если вы изучите мировоззрение молодых людей, всецело воспитанных цифровым миром, вы увидите новый дух во всей красе

В книге Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» есть прекрасный пассаж, в котором автор описывает точку, из которой возник промышленный капитализм. Некий молодой человек, выросший в одной из тех «деловых» семей, которые двигали торговлю текстильными изделиями, занялся прививанием деревенским работникам старательного отношения к труду, устремился к экономии за счет роста производства и постепенно устранил всех посредников. В результате этого идиллическая жизнь сельских прядильщиков и ткачей претерпела крах. Вывод Вебера таков: «При этом – что самое главное – не приток новых денег совершал, как правило, этот переворот... но вторжение нового духа, а именно духа современного капитализма».

Если вы с надлежащей скрупулезностью изучите мировоззрение молодых людей, всецело воспитанных цифровым миром, вы увидите новый дух во всей красе.

Современный буржуа не преминет назвать это безответственностью; крупные потребительские бренды назовут это «просьюмерством». Приезжайте в один из этих городов и посидите в пустом заброшенном здании, в объединенном рабочем пространстве или в финансируемой государством лаборатории искусств – и вы увидите совершенно иную картину: речь идет о решимости, причем совершенно осознанной, жить «вопреки» догматичным допущениям доминирующей экономической теории.

До 2010-х годов – несмотря на то, что экономики на основе конструктивного взаимодействия и «солидарности» укоренились в богатых странах в формате контркультуры, – практически никому и в голову не приходило отстаивать идею того, что государство обязано стимулировать эту новую форму экономической жизни. Тем не менее, как и в случае с ранним промышленным капитализмом, именно к этому и нужно двигаться – к созданию нового проекта, который преобразит капитализм таким образом, чтобы он не удушал, а поддерживал объединенные, неприбыльные, нефинансируемые бизнес-модели нового толка.

Свою следующую статью я посвящу анализу того, какие действия начали предпринимать государства и города, чтобы поддержать этот переход. Я намерен обосновать, что, как и в случае с переходом от феодализма к капитализму, упомянутый выше проект не может носить исключительно законодательный или регуляторный характер – он должен изменить тот образ мышления, который мы исповедуем в отношении времени, культуры, дефицита и изобилия.

Данная статья является совместной публикацией Social Europe и IPG-Journal

---

Пол Мейсон

Лондон

Пол Мейсон (Paul Mason)- известный британский писатель и тележурналист. В 2016 году вышла его книга "Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему".